

— Это, знаете ли, было довольно-таки больно, — процедила женщина, когда к ней, в той или иной степени, вернулось самообладание. Затем резко мотнула головой, с хрустом вправляя позвонки. — Не советую повторять. Ладно. Дайте мне минутку.

Под оторопевшими взглядами вжавшихся в стену заключенных Беатрис начала приводить себя в порядок. Натянула панталончики и расправила юбки. Спрятала выглядывающую, как у кормилицы, грудь. Подняла зеркальце и шелковый платочек и стала осторожно промакивать кровь и грязь на лице. Подновила макияж. Вытащила из шеи Митчелла стилет и, сунув его в «ножны», расчесала всколоченные локоны. И вот она стояла перед ними практически в том же виде, в каком заходила, а следы удара на лице можно было увидеть, только если знать о них, да и то с трудом.

Однако по лицу Беатрис было понятно, что чего-то не хватает. Пошарив в сумочке, посмотрев на полу, она поглядела на них и наконец нашла кисэру, которая каким-то чудом до сих пор была в зубах Олли. Кaleb про себя мог сказать, что, как правило, обладает неплохой наблюдательностью. Она-то и помогла ему заметить едва-едва уловимую вспышку ярости, коротким отблеском мелькнувшую в сапфировых глазах. Возникшая секундой позже улыбка уже не могла его обмануть: Беатрис была взбешена.

— Ай-ай-ай! Какой плохой мальчик! Разве мамочка не учила тебя не брать без спроса чужие вещи?

Парень, впрочем, ни о чем не догадывался. Пробормотав слова извинения, он вернул трубку женщине. На мундштуке отпечатались его зубы. Новая вспышка ярости, сильнее предыдущей. Кaleb чувствовал, как вдоль позвоночника сбегает холодный пот. «Она его прикончит. Ей-богу, прибьет на месте». Беатрис бережно протерла кисэру рукавом. Взяла ее в рот и призадумалась. Или сделала вид.

— Ты любишь фокусы, Олли? — ни с того, ни с сего спросила она. Абсолютно серьезно. Паренек неуверенно кивнул. — Чудно. Хочешь, тетенька Беатрис покажет тебе один? Уверяю, такого ты еще не видел. Будь любезен, дай мне свои пиджак и рубашку.

В полном недоумении, паренек снял верхнюю одежду и отдал ее женщине. «Кожа да кости», вот что можно было про него сказать. «Фокусница» же продемонстрировала всем пустую левую руку, засучила рукав, а затем начала плотно обматывать, от кулака до середины предплечья. Сначала рубашкой, потом поверх нее и пиджаком. Критически осмотрев получившийся моток, она заявила, что ей нужны также и штаны. Паренек сравнялся цветом лица со свеклой, но перечить побоялся. Теперь он стоял полностью голый, стыдливо прикрываясь. Но скукожившийся причиндал юнца абсолютно не интересовал «фокусницу». Когда толщина сгустка материи немного увеличилась за счет штанов, она удовлетворенно кивнула.

— Думаю, сойдет. А теперь замри.

Беатрис подняла левую руку и направила ее на Олли. Прищурилась и немного подвигала ею, проводя некую корректировку. «Как будто целится...», успел подумать наблюдательный Кaleb. Мысль его на какую-то долю секунды опередила глухой хлопок и шипение, с которым пламя охватило наложение ткани, превратив его в факел. И одновременно с этим голова паренька раскололась, как переспевший арбуз, и разлетелась на куски, а ее содержимое

живописно облепило стену за ним. Звук падения мертвого тела. За последние неполные десять минут он успел прозвучать уже трижды. «Сыгранный» одним и тем же «музыкантом».

Беатрис, не обращая внимания на крики, плачь и мольбы о пощаде оставшейся тройки заключенных, картинно взмахнула рукой. Пылающая ткань отделилась на удивление легко, упала и была затоптана сапожком. Огонь не оставил на коже предплечья и кисти ни малейшего следа: ни волдыря, ни ожога. А что было интереснее всего, так это Кольт «Миротворец», который женщина сжимала в той самой руке. Черный, как волосы его обладательницы, не менее тридцати сантиметров в длину, с сандаловой темно-вишневой рукояткой. И с выгравированной на ней хищной птицей, сжимающей в когтистых лапах цветок розы.

— Та-даам! Ловкость рук и никакого мошенничества! В чем дело? Вам не понравилось? Посмотрите на Олли: он от восторга «голову потерял»!

И снова тот визгливый хохот. Беатрис выглядела безумно. И устрашающе. А потом вдруг сделалась предельно серьезной. Столь резко, как будто повернули рычаг. Усевшись поудобнее на холодном трупе Кантца, она переводила взгляд с одного мужчины на другого. Им же оставалось молить всех богов, в которых они верили и не верили, чтоб в мозгу этой Мисс Непредсказуемость опять что-нибудь не переклинило, и она не решила еще раз «пошутить».

— Посмеялись, и хватит. Теперь к делу. На случай, если переизбыток эмоций... — тут она мягко стукнула Захарию рукояткой по лбу, — ... стер это из ваших умов, я напомним: я пришла, чтобы вытащить отсюда господина Страуба. И вы двое мне в этом поможете. А теперь слушайте внимательно. Ибо то, что я сейчас скажу, прозвучит единожды. И верьте мне, вы не хотите знать, что будет, если мне придется повторять.

— Я весь внимание, — невольно вырвалось у Калеба. Секундой позже он уже готов был отхлестать себя по губам за эту колкость, вот только руки все еще были скованны за спиной. Однако же, вопреки опасениям, женщина хихикнула. Очень красиво и женственно.

— Ах, ах, вы только посмотрите! Какая целеустремленность, какая самоотдача! Похвально, господин Страуб. Итак... Сейчас господин Страуб и... Эм... Кто из вас сообразительней? Луис. Ты и господин Страуб надеваете униформу надзирателей и берете их оружие. Далее мы разделяемся: господин Страуб пойдет со мной, сей субъект — с тобой. Делай вид, что конвоируешь его, до поры до времени. Скорее всего, подобная конспирация будет раскрыта первыми же настоящими тюремщиками. Но она позволит вам приблизиться к ним. И вот тогда... Начинайте убивать. Мне безразличны ваши морально-этические взгляды или страх перед законом. Бояться нужно в первую очередь меня. О чем это я? Ах, да... Во-первых, вы должны будете убивать весь персонал тюрьмы. Надзирателей, поваров, докторов. Всех до единого. И во-вторых, высвободить всех заключенных. Опять же, всех до единого. Если по какой-нибудь фантастической причине кто-нибудь воспротивится, пугайте моей великой и ужасной персоной, не поможет — стреляйте на месте. В камерах не должно остаться ни одного живого узника. Пускай подбирают оружие убитых надзирателей и помогают вам. Мы, в свою очередь, будем делать то же самое в другой части форта. Встречаемся у кабинета коменданта, он равноудален отсюда, каким путем не пойдешь. И еще до конца дня мы все будем свободны. Всем все понятно?

— Да, мисс.

— Безрассудный план, сенюга. Но мы сделаем все, что в наших силах.

— Куда вы денетесь? — усмехнулась Беатрис, пошарив в висящем на поясе Кантца подсумке,

извлекла патрон и дозарядила револьвер. — Давайте низвергнем это место в пучины Ада! Что? А, наручники... Секундочку...

— Вот и первая парочка. Они тут что, всегда по двое ходят? Ладно, будь наготове, господин Страуб.

— Прошу Вас, мисс, просто «Калеб». Не надо никаких «господинов».

— Хорошо, Просто Калеб. В таком случае, я Просто Беатрис. Никаких «мисс». Джентльмены, приготовьтесь.

... Итак, план был изложен и принят к сведению. Пока Калеб с Луисом напяливали на себя песчаного цвета униформы с фуражками, Беатрис собирала свое раскиданное по полу имущество, в том числе и спрятанную обратно в футлярчик кисэру. Выудила из глубин сумочки туго свернутый серый плащ с капюшоном и закуталась в него. Кольт положила на самый верх, чтобы иметь к нему быстрый доступ. Можно было выдвигаться. Надвинув обоим «оборотням» козырьки на глаза, она наконец вышла в коридор, а вслед за ней и остальные. Форт имел форму эллипса, длинные стороны которого были прямыми и параллельными, и насчитывал два этажа. На первом располагались пропускной пункт, несколько постов охраны, оружейная, лазарет, кухни, жилые помещения. Второй же занимали бесчисленные на первый взгляд тюремные камеры и кабинет коменданта, которого по неизвестным причинам не устраивал первый. Кабинет находился в одном из оснований эллипса, и, по иронии судьбы, камера беглецов — в противоположном. Как и сказала Беатрис, он был равноудален. Непонятно было, успела ли она разобраться в планировке Сан-Прадера за короткое время своего визита, или же у нее был доступ к чертежам строения заранее. В любом случае, это было неважно. Кивнув друг другу, две команды разошлись в разные стороны: Беатрис с Калебом направо, Луис с Захарией — налево. Первая камера была прямо перед поворотом в прямой и длинный коридор, поэтому они подошли к ней незамеченными. Ключ Митчелла прекрасно подошел к замку, и, по словам женщины, так же прекрасно должен был подойти к остальным. Когда они зашли в комнату, выражения лиц узников позволили Калебу оценить, как он сам выглядел менее часа назад, в последние мгновения спокойствия. Беатрис очень-очень сжато обрисовала им ситуацию и их роль в ней. Калеб, в котором они с удивлением признали своего соседа, все подтвердил. Он чувствовал, что начини они только сомневаться и ерепениться, женщина, как и говорила, не станет церемониться. Но все прошло как нельзя лучше. «Мы целиком в Вашем распоряжении», заявили заключенные с благоговением в голосах. Калеб вспомнил, с каким неверием сам сперва отнесся к идее побега, и его поразил резкий контраст этих реакций. Так их «команда» пополнилась четверьмя новыми членами...

— ... джентльмены, приготовьтесь.

Четверо новоиспеченных беглецов шли впереди, склонив головы и притворно держа руки за спинами. Калеб, про себя называющий их не иначе как «марионетками», следовал за ними и корчил из себя строгого конвоира. Бок о бок с ним размеренно вышагивала Беатрис. А навстречу им шли двое надзирателей, и увиденная процессия явно вызвала у них вопросы. Оставалось лишь приблизиться на расстояние удара.

— Куда это вы идете такой толпой?

— К коменданту.

— Правда, что ли? А по поводу?

— Позвольте, я разъясню. — Беатрис выступила вперед. И щелкнула пальцами.

Тотчас «марионетки» накинулись на не ожидавших подвоха охранников, скрутили их, не забыв позатыкать рты, и повалили на пол. Калев даже поразился, настолько выверенными и отточенными были эти движения, словно их долго репетировали. Численное превосходство и внезапность нападения не оставили тюремщикам ни шанса на сопротивление. «Как по нотам». Беатрис присела на корточки перед своими пленниками. Подчиняясь ее жесту, «марионетки» за волосы приподняли им головы. И тогда их глаза округлились: в руке женщины был стилет.

— Вы читали «Одиссею» Гомера? — спросила она вдруг. Вопрос был, конечно же, риторическим. — «Ну-ка, к другому теперь перейди, расскажи, как Епеем с помощью девы Афины построен был конь деревянный, как его хитростью ввел Одиссей богоравный в акрополь, внутрь поместивши мужей, Илион разоривших священный». Восхитительная аналогия, вы не находите?

Двумя грациозными взмахами она располосовала мужчинам шеи. Стиллет резал не хуже скальпеля.

— Переодевайтесь.

Калев, Беатрис и ее «кукольное войско» двинулись дальше. Уже в следующую минуту их отряд принял очередную четверку заключенных, таких же безоговорочно послушных, как и первая. Калев понял, что прозвище «марионетки» подходит им как нельзя лучше. «А ведь, если подумать... Прямо перед тем, как Захария вмешался, у меня в голове тоже царил жуткий бардак. Она меня прямо-таки заворожила. Так кто же она, черт возьми, такая?».

Вот и очередной патруль. Двое. Их — уже десятеро, при том трое в форме. На всех семь единиц огнестрельного оружия. Должна сработать та же уловка. Диалог начался почти с тех же слов и шел по тому же руслу. «Как по нотам». И когда уже Беатрис вышла вперед, чтобы «разъяснить», на другом конце форта раздались выстрелы. Маскировка Луиса и Захарии была раскрыта.

— Это еще что за ху...

Тюремщик не успел закончить фразу. Беатрис раздосадовано цыкнула и, выхватив из сумочки «Миротворца», сунула дуло под бороду и спустила курок. Его коллега ничего не успел сделать: «марионетки» бдели. Гулкое эхо прокатилось по коридору, смолкнув где-то очень далеко. В наступившей тишине было отчетливо слышно оживление, возникшее на первом этаже. Эти выстрелы должны были поднять всю тюрьму на уши. С минуты на минуту сюда ломанутся толпы надзирателей, и их маскарад уже ничем не поможет. Калев чувствовал, как в ожидании схватки приливает адреналин. Подобное сражение выпадало на его долю впервые. «Хотя нет. Это будет не сражение», поправил он себя, глядя на свою внезапную спасительницу, на эту очаровательную дьяволицу, «это будет резня».

Беатрис повернулась к ним. Сумочка уже была перекинута через голову. В правой руке револьвер, в левой — стилет. Ее лицо и плащ были в крови. Чужой крови. Но она ее не утирала.

— По всей видимости, скрытная часть нашей операции подошла к концу. Все знают, что делать.

— Кто же ты такая? Кто ты на самом деле?

... Второй этаж был повергнут в хаос.

После последних слов Беатрис «марионетки» кинулись имеющимися у них пятью ключами отпирать камеры. Ничего не понимающие заключенные выволакивались в коридор и подвергались воздействию молниеносной пропаганды. Отовсюду слышны были слова «бунт», «побег», «возмездие», «госпожа» и подобные по теме. Численность «кукольной армии» стремительно росла, в то же время имела место острая нехватка вооружения. Калев не сомневался, что Беатрис может велеть им бежать на врага с пустыми руками, и они без возражений это сделают. И, в принципе, можно сказать, что он не ошибся.

Крайняя ограниченность поля боя была превращена в тактическое преимущество. Когда прибежали первые группы надзирателей, и началась стрельба, коридор очень быстро начало заволакивать дымом. Несмотря на многочисленные окна, он не успевал рассеиваться и густел секунда за секундой. Перестрелка в таких условиях была крайне затруднительна. Все равно, что острой ловить пиявку в болоте. Пальба стихла с обеих сторон. И пока тюремщики производили перезарядку, из непроглядной мглы внезапно, как чертики из табакерки, возникли десятки заключенных. Разутые, безоружные, но свирепые и кровожадные, как берсерки, они смели ряды противника за считанные секунды. Среди них мелькала эффектная и не менее свирепая женщина с клинком и револьвером, разя врагов налево и направо. Некоторые падали на колени и молили о пощаде. И не получали ее. Когда дым наконец развеялся, все уже было кончено.

— Поздравляю, джентльмены. Мы справились. Самое сложное позади, — толкала победную речь Беатрис, залитая кровью с ног до головы. — А теперь отправляйтесь вниз и не оставляйте там ничего живого.

Вдохновленные словами своего «кукловода», «марионетки» пособирали трофейное оружие и с улюлюканьем устремились на лестницу, единые, как рой насекомых. Любой, кто их увидит, сначала обгадит портки от страха, и лишь потом испустит дух по какой-нибудь более прозаической причине. Например, из-за пули. Или даже нескольких. «Мне их даже немного жаль», подумал тот, ради чьего спасения и была затеяна вся эта вакханалия.

— Пойдем, Калев. У нас еще незавершенное дельце.

«... учитывая обстоятельства, мне сейчас в самую пору мучиться совестью, испытывать запоздалое раскаяние. Злиться на себя за свое бездействие и неверие. Ломать голову в поисках подходящего извинения за допущенное по моей вине изнасилование, в котором я сам принимал активное участие», размышлял Калев по пути. «Но скажите на милость, разве это возможно с этим чудом под боком?!». «Чудом», разумеется, была Беатрис, чье поведение ну никак не соответствовало ситуации. Всю дорогу она вела себя, как взбаламошенный ребенок. То шла вприпрыжку, то срывалась в какой-то нестройный пляс. То весело распевала кабацкие песенки на французском, то начинала идти перед мужчиной спиной вперед и разыгрывать монологи из пьес европейских классиков трагедии и комедии. И все это не сбавляя скорости. «Неуравновешенная. Чокнутая наглухо. И от этой женщины зависит моя жизнь. Да уж, у Бога есть чувство юмора».

— Мне кажется, человек не должен себя так вести, оставив за собой гору трупов, — решился он на откровенность, когда они уже несколько минут простояли у двери коменданта. Луиса с Захарией еще не было, а без них Беатрис заходить почему-то не хотела. — В самом деле? Хм-м... Возможно, ты и прав. Но понимаешь ли, Калев, в чем беда-то: как раз то, что я оставила за собой гору трупов, по-настоящему меня будоражит. Я бы даже сказала, возбуждает. Во всех смыслах...

— Ты сумасшедшая, — Кaleb сам не понял, было это вопросом или утверждением.

— А-ха-хаха! Ты все-таки заметил? Bravo, господин Страуб! Никогда не подумывал вступить в «Агентство Пинкертона»? Твоя проницательность обеспечила бы тебе успех. Ха... Но знаешь... Если серьезно, мне еще никогда таких комплиментов не делали.

— Кто же ты такая? Кто ты на самом деле?

— Я... и сама порой задаюсь эти вопросом, — созналась Беатрис после недолгого молчания, как-то погрузнев.

«Будь что будет», подумал Кaleb и, поддавшись внезапному порыву, прижал женщину к стене и заткнул ее рот своим. Немного грубее, чем рассчитывал, но уж куда нежнее, чем делал это в камере. Потому как теперь им владела не животная похоть, а настоящее очарование этой *femme fatale* (хоть и немного нетипичной). Он причинил ей боль, и ожидал, что она оттолкнет его, заявит, что «поезд ушел», съездит по морде, в конце концов. Однако шли секунды, а он все еще чувствовал соленый вкус запекшейся крови на ее губах. Более того, Беатрис переместила его руку со своего плеча на грудь. Прочитав в ее глазах желание, Кaleb мягко стиснул упругое полушарие, и по тому, как женщина зажмурилась и подалась вперед, он понял, что сделал все правильно. И удвоил старания. Вскоре он почувствовал ее коленку, поглаживающую его пах, раззадоривая и искушая. И вот, как результат такого массажа, коленка нащупывает что-то твердое и стоячее.

Они готовы были овладеть друг другом прямо там, посреди коридора.

— Я смотрю, вы уже нашли общий язык. Хе-хе, понял, да? «Язык»! «Общий»! — раздался рядом знакомый голос.

Кaleb и Беатрис отпрыгнули друг от друга так, словно между ними сработала мощная пружина. Они были похожи на юнцов, застигнутых старшими за содеянием непотребств, покрасневшиеся и запыхавшиеся. Женщина кинулась поправлять плащ и прическу. Было ясно, что она очень трепетно относится к своему внешнему виду, вот только тот факт, что она выглядела, как графиня Эржебет Батори после принятия ванны, придавал ее действиям комичности.

— Остроты и паясничество — моя прерогатива, Захария. Не отбирай у бедной девушки ее хлеб. Тем более что тебе не идет, — парировала Беатрис, быстро придя в себя. — Как все прошло, *mi buen amigo*? Полагаю, замечательно, раз вы еще дышите.

— *Si, senora*. Никаких особых проблем не возникло. Пару-тройку упрямцев пришлось подбодрить поджопами. Пятеро погибли в перестрелке. Но, как Вы и говорили, мы не дали никому унести ноги. Сейчас парни «зачищают» первый этаж. Ваш гениальный план сработал, *senora*. Позвольте выразить свое восхищение.

— Ах, ах, что я слышу? «Гениальный»? Уж не лесть ли это? Но слух-то как ласкает! У тебя отлично подвешен язык, Луис, как ни посмотри. Ладно, не время для любезностей. *Monsieur commandant* нас уже заждался.

— Откуда ты знаешь, что он еще в кабинете?

Беатрис сделала выразительный вдох полной грудью.

— Я чувствую его вонь.

В случае с Джоной, однако, она проявила некоторую осторожность. Ведь всем известно, что загнанный зверь особо опасен. По ее немой команде все прикинули к стене с обеих сторон двери. Толкнув ее со словами «Простите, что без стука», Беатрис осмотрела комнату, предусмотрительно используя для этого зеркальце. Никого. На первый взгляд. Женщина

знала, что комендант внутри, и то, что он отсутствовал в поле зрения, ничего не меняло. Хоть и давало повод для беспокойства. Так они и зашли в кабинет, нервно озираясь.

— Похоже, Коулман куда-то ушел, а свою вонь взять с собой забыл, — заключил Калев.

— И ты туда же, mon cher. Здесь он, прямехонько у нас под носом. Разве пристало капитану отсиживаться в каюте, когда его корабль берут на abordаж? — громко продекламовала Беатрис в пространство, обращаясь к своей затаившейся жертве. Вместе со всеми она осматривалась по сторонам, пока ее взгляд не наткнулся на массивный платяной шкаф слева от входа. — На пол!

От внезапного крика Калев несколько замешкался. Но, к его счастью, его схватили за грудки и увлекли за собой на землю. А в следующее мгновение прямо над ним под аккомпанемент разрывающего перепонки грохота пронеслась пачка свинцовой дроби. Пролетела прямо через то место, где он стоял. Если бы не Беатрис, здесь бы его приключения и закончились на крайне нелицеприятной ноте. Но ему повезло. А вот Луис Мануэль Освальдо Паскуаль Кабрера не отличался такой удачей, как и расторопностью: дробовичный заряд разворотил ему грудную клетку, отбросив к стене, где он и остался лежать. Мексиканец пал, когда до обещанной свободы оставалась пара шагов.

Беатрис же не дала выбить себя из колеи. Кольт внезапно возник в ее руках, и она, так и лежа на полу, сделала два быстрых выстрела, взводя курок ребром ладони. Передние ножки шкафа разлетелись в щепы, после чего деревянная махина шумно завалилась на перед, подняв тучу пыли. Так укрытие неожиданно превратилось в захлопнувшуюся ловушку, самостоятельно из которой комендант выбраться уже не мог.

«Сукин сын прятался в шкафу! Еще б чуть-чуть, и я... Иисусе, она и правда мой ангел-хранитель... Интересно, что она теперь с ним сделает?».

«Ангел-хранитель» встала над гардеробом, примерилась и пальнула в заднюю стенку, примерно на расстоянии полметра от днища. Изнутри протяжно взвыли. Конструкция весом в десятки килограмм заходила ходуном.

— Monsieur! Скажите, это было колено? Я угадала? Monsieur! Ребята, будьте так любезны, выудите его оттуда.

Пыхтя и отдуваясь, Калев и Захария все-таки смогли перевернуть шкаф. Распахнули дверцы и сгребли коменданта в охапку. Тот как будто и не замечал выволакивающих его из импровизированного саркофага рук. Его куда сильнее занимало раскученное колено. Женщина указала на стол, и хнычущего толстяка бесцеремонно распластали по его поверхности.

— Я вернулась, monsieur commandant, как и обещала. Разве Вы не рады? — продолжила свою игру Беатрис, присаживаясь на краешек столешницы. — Знаете, я обдумала Ваше предложение. Оно действительно щедрое. Так что я уже развлеклась с Вашими подчиненными, и даже денег с них не взяла. И с Вас не возьму. Вот такая я альтруистка. Кстати, как бы между делом, не назовете комбинацию от вон того сейфа?

— Иди к черту, шлюшье отро... Ааа!!! — снова взвыл Джона, когда наманикюренный пальчик начал ковыряться в его раненой ноге.

— Ну, ну, monsieur commandant. Стоицизм Вам не к лицу. — Она склонилась над ним, касаясь волосами его лица. И заговорила на порядок тише. — Вы всего лишь маленький жалкий человек, трясущийся в страхе за свою жизнь. Так не изменяйте же себе. Давайте, прошепчите мне в самое ушко.

И Джона прошептал. Потрепав его за щеку, Беатрис пошла к сейфу. После нескольких проворотов замка раздался щелчок, означающий, что комбинация оказалась верна. Внутри обнаружилась стопка папок, документов, конвертов, журналов и прочих проявлений бюрократизма. Беатрис не без интереса изучила несколько экземпляров. Перебрала еще с десятков, ограничиваясь краткими взглядами на заглавия. Задумчиво почесала лоб дулом револьвера. И затем несколько неожиданно для мужчин залила всю кипу бумаг взятым с настенной полки виски и подожгла. Проспиртованная документация занялась на ура.

— Тех, кто придет сюда после нас, найденная грудa пепла наверняка огорчит. Что же, нельзя угодить сразу всем. Итак, пора прощаться, monsieur. Наше с Вами знакомство было кратким, но невероятно продуктивным. За это я позволю напоследок насладиться моим бюстом, который Вам так приглянулся.

Прежде чем Калеб успел задуматься над тем, что она имела в виду последним предложением, Беатрис наклонилась над головой коменданта и с силой вдавила ее в свою грудь. В очередной раз она доказала, что в изощренности ей не откажешь. Джона, чьи легкие и без того работали прескверно, не заставил себя долго ждать. Его лицо покраснело от удушья, тело задергалось в конвульсиях, и Калебу с Захарией пришлось попотеть, чтобы удержать его. И чем сильнее он дергался, тем быстрее кончался воздух. Пока, в конце концов, Джона Коулман не затих насовсем. Что ни говори, ему досталась исключительно экзотическая кончина. — Вы имели наглость гнусно меня домогаться, monsieur. Трогали своими потными ручонками. Однако любой, кто покушается на мое тело, очень скоро за это расплачивается. И когда я говорю «любой»... — Тут она вдруг подняла пронзительный взгляд на одноглазого бандита. — ... это значит «каждый».

БАБАХ!!!

Грянул выстрел. Брызнула кровь. Захария упал. Беатрис тоже. Все дело в том, что выстрелов было два. Просто сделаны они были одновременно.

— Твою мать! Беатрис! Ты слышишь меня?! Держись! Я отнесу тебя в лазарет!

«Где наверняка уже нет ни одного живого медика», добавил уже про себя Калеб. С этой неутешительной мыслью он плюхнулся на колено рядом с раненой женщиной и попытался бережно ее приподнять. Но она вдруг крепко ухватила его за руку. Ее веки болезненно затрепетали, а во взгляде, который она устремила на него, сквозила безграничная горечь и сожаление. Откашлявшись, она сплюнула кровь и печально улыбнулась.

— Как глупо все вышло... Кхе-кхе... Этот Захария... все-таки подловил меня... в самом конце... Но я рада, ведь... несмотря ни на что... справилась... Путь свободен, Калеб... Найди мистера Гилла и... скажи ему, что Беатрис... кхе... выполнила поручение... Холодно... Так холодно... Было приятно познакомиться, Калеб... Прощай... Ай! Ты чего? — возмутилась страдальца, получив звонкий подзатыльник.

— Кончай ломать комедию, дура. Тебя ранили в плечо, от такого не умирают, если не запустить, конечно. А кровь во рту, потому что язык прикусила при падении. Ей-богу, наша, над чем шутить. Ладно, не дергайся, я все-таки отнесу тебя в лазарет.

— Спасибо, сама дойду, — отвергла его помощь Беатрис и сама встала, обиженно надувшись. И Калеб с трудом сдерживал улыбку, до того это было мило. Она напоминала нашкодившего ребенка, получившего знатный нагоняй. Да, нашкодившего ребенка. А вокруг лежали трупы, три трупа. Результат ее «шкоды», лишь малая часть. А она так мило дуется. Да, мило. «Я сошел с ума. Слетел с катушек, как и она. Мы стоим друг друга».

— Кстати, Калев... Ты ведь слышал, что я говорила про «покушение на свое тело»? Про то, что ждет покусившихся? Не боишься? — спросила вдруг Беатрис. Ее левая рука висела плетью вдоль тела.

— Нет, Беатрис, не боюсь. И знаешь, почему? Потому, что ты сказала, что ты мой друг. Ты сказала, что пришла спасти меня от какой-то там Джейн МакЭвой. Ты сказала, что защитишь меня. И ты просила верить тебе. И теперь я верю, всем сердцем. А за то, что не поверил раньше, прошу, прости меня, если можешь.

Повисло напряженное молчание. Женщина пораженно уставилась на Калеба, от изумления аж приоткрыв рот. А пылкий оратор с нетерпением ждал ответа на свое чистосердечное признание. Вот только это же Беатрис. Ее настроение словно определялось кручением колеса рулетки в казино. Какую реакцию она выдаст сейчас? Гнев? Веселье? Счастье? Равнодушие? Поняла это и Беатрис. Взгляд, которым она окинула дом божий, прямо-таки горел ненавистью и отвращением. «Марионетки», да что там, даже ее «mon cher», сделали опасливый шаг назад. Один заключенный вдруг свалился в припадке эпилепсии, еще трое — с сердечными приступами. У Калеба закололо в висках и потемнело в глазах. «Солнечный удар... Наверное... У всех...». — Подождите меня здесь. Я быстро, — отрезала женщина не своим голосом. Достала здоровой рукой из сумочки стилет и пинком выбила двери, которые с грохотом захлопнулись, стоило ей лишь войти.

Не было слышно голосов, ни ее, ни Доналдсона. Не велось ни жарких дискуссий, ни светских бесед. Раздавались лишь звуки. Звуки, которые ты предпочел бы не слышать. Звуки жуткие. Звуки пугающие. Звуки зловещие. Звуки, от которых ты кусал до крови собственный кулак, чтобы не закричать от ужаса. Звуки, которые мозг продолжал регистрировать даже с зажатыми ушами. Звуки, которые еще долго будут преследовать тебя в кошмарах, заставляя медленно и мучительно терять рассудок.

Когда целую вечность спустя Беатрис выходила из капеллы, она поспешила закрыть двери, но Калев успел бросить быстрый взгляд внутрь. От увиденного желудок подступил к горлу. Мужчина упал на четвереньки, и его долго и натужно рвало.

... Да, последующие дни прошли вполне спокойно. В отличие от долгих беспокойных ночей.

«Знаете, что? Я больше не хочу знать, кто она такая на самом деле. Потому как подозреваю, что если докопаюсь до этой страшной тайны, моей психике будет нанесен непоправимый ущерб».

После инцидента возле капеллы, который Калев усердно, но безуспешно пытался выбросить из памяти, на территории форта остались лишь заключенные, переставшие уже быть таковыми, и их освободительница. «Ну, что ж, джентльмены, вот вы и обрели обещанную мной свободу», торжественно заявила она. «На этом наши пути разойдутся. Совет на прощание: лучше здесь не задерживаться». После этого «марионетки» вдруг перестали быть «марионетками» и стали вполне себе самостоятельными «беглецами», спешно начав мародерствовать по тюрьме: мало ли что в дороге пригодится. Беатрис с Калевом так заглянули в лазарет, где их молчаливо встретили трое застреленных врачей. С концом сражения пропала и нужда в ставшем багровым плаще, и его небрежно скинули на пол. Пуля была извлечена, если не сказать «выковыряна», с соответствующим дилетантизмом, но женщина, категорически отказавшись от инъекции опиума, стойко стерпела операцию. Затем рану продезинфицировали, забинтовали, а руку зафиксировали марлевой повязкой. Не

забыл Калек обработать и лицо раненой, имевшее тесное знакомство с сапогом Захарии, и попутно отмыл его от запекшейся крови. Он хотел сделать для нее как можно больше, чувствовал, что тоже должен о ней позаботиться.

— Спасибо...

— Что ты? Это меньшее, что я могу для тебя сделать. После всего, что ты...

— ... за то, что веришь мне. Это много для меня значит. По-настоящему... много...

Голос Беатрис дрогнул. Хотя внешне она еще пыталась казаться спокойной, глаза заблестели от влаги, отражая сдерживаемые эмоции. Такой Калек ее еще не видел. С уверенностью он мог сказать, что это не очередной глупый розыгрыш, любительницей коих она успела себя зарекомендовать. В этот раз все было всерьез: женщина перед ним готова была в любой момент заплакать навзрыд. Он не знал причину такой бурной реакции, не понимал, чем могли быть вызваны эти слезы. Но разве в тот момент это было так уж важно? Не раздумывая, Калек сел рядом на кушетку и мягко обнял Беатрис, стараясь не придавить больную руку. Это были объятия не любви, а утешения, и сопровождались ласковыми поглаживаниями по голове и спине. Тогда она сильнее прижалась к нему, уткнулась лицом в мужскую грудь, и вскоре та уже промокла до нитки. Тельце, вздрагивающее от всхлипов, казалось сейчас таким хрупким и незащищенным. Куда делась та сила, то внутреннее пламя? Возможно ли, что она сломалась под тяжестью своих поступков? Нет. Если Калек что-то и понял про Беатрис, так это то, что она ни в грош не ставит чужие жизни. Но пока она могла вот так плакать на его руках, он верил: перед ним не монстр. Ведомый приливом нежности, он поцеловал ее в макушку, словно укладываемого спать ребенка.

— Беатрис?

— Мм? — Она подняла припухшее лицо.

— Давай позаботимся друг о друге.

«Дерьмо, что за херню я сейчас сморозил?!».

Но, к его удивлению, его слова имели сильнейший эффект: Беатрис просияла, шумно шмыгнула носом и с блаженной улыбкой уверенно кивнула.

Следующие несколько дней им пришлось провести в путешествии, а Калебу пришлось убедиться в правдивости выражения «*abyssus abyssum invocat*», или «подобное притягивает подобное». Речь шла об их внезапном спутнике.

Покидали Сан-Прадера Беатрис с Калебом одними из последних. Отдельные личности еще шмыгали туда-сюда, не обращая на своих освободителей никакого внимания. Конюшня была уже давно разорена: животных разбирали, то и дело затеявая драки, ведь никому не хотелось гулять по прериям пешком. Волнения Калеба по поводу отсутствия транспорта и присутствия измотанной раненой женщины были развеяны максимально эффективно. Выйдя с территории форта, он увидел черный средних размеров дилижанс, запряженный парой вороных кобыл. Рядом в живописных позах валялись двое бывших заключенных. Они были совершенно точно мертвы, но причину смерти по ним понять было невозможно. А на козлах сидел самый странный кучер из всех когда-либо виденных Калебом. Это был мальчик лет одиннадцати-двенадцати с виду, черноволосый и болезненно бледный, с темными кругами вокруг глаз. Он был одет в черный фрак с брюками, прекрасно дополняющий всю черномастную картину. Его бесстрастное выражение лица и заглядывающий в самые темные уголки души взгляд, которым он смерил Калеба, заставили того пожелать провалиться сквозь

землю. Трупы мальчика нисколько не беспокоили.

— Ох, Дэмиен, прости меня, я немного задержалась. Ты без меня не скучал? — заворковала Беатрис, подошла к кучеру, аккуратно переступая тела, и любовно взъерошила ему волосы. Губы мальчика тронула призрачная улыбка. — Что это у нас? Плохие дяди хотели угнать дилижанс, но вдруг резко снемогли. Как жестока порой эта жизнь! Ох, где же мои манеры? Дэмиен, это Калев, мой... эм... протеже. Калев, это Дэмиен, мой друг и помощник.

«А я уж было подумал, что это твой сын, настолько вы оба чудаковатые», подумал «протеже», разумеется, не сказав этого вслух: мазохизм не входил в число его девиаций. Протянутая для пожатия рука осталась проигнорированной. Дэмиен помог Беатрис взобраться в дилижанс, прошел мимо мужчины, не удостоив даже взглядом, и снова занял свое место на козлах. «Вот щусенок!». Дети его еще не унижали. Беззлобно поворчав, Калев переделся в предложенный костюм, малость менее строгий, чем у кучера, влез в кабину, и экипаж наконец тронулся. Начался их путь на юг, к мексиканской границе.

Пустынные пейзажи за окном навевали уныние, а умеренная скорость дилижанса и качественные рессоры расслабляли и укачивали. Уже вскорости настрадавшаяся парочка дрыхла в четыре ноздри, полюбовно привалившись друг к другу. Они спали столь крепко, что их не разбудила даже дерзкая попытка ограбления. Карету настигли и попытались окружить трое разбойников. По их оценке, добыча была до неприличия легка. Дэмиен без всякого интереса взглянул на них, даже не меняя скорости. Тогда один из бандитов с уже заготовленным револьвером вдруг изменил цель и выстрелил в спину своему другу, потом второму, после чего поспешил нагнать их на пути в Ад. Ограбление завершилось так же внезапно, как и началось. А Беатрис лишь сладко пускала слюнки на плечо Калебу.

К вечеру они доехали до одинокой фермы, коей владела пожилая чета с оравой детей всех возрастов и парой наемных рабочих. Беатрис представила их как новобрачных, находящихся в своем свадебном путешествии. Дэмиен же вдруг стал ее племянником, счешшим за честь сопровождать их. Калев, со своей стороны, спросил, не предоставят ли милостивые хозяева ночлег уставшим путникам. И, конечно же, они были приняты с поразительным радушием. Разве можно было противостоять обольстительности Беатрис? Ужин был превращен в небольшое пиршество, во время которого «молодоженов» постоянно засыпали вопросами о том, как они познакомились, влюбились и так далее. Беатрис рассказывала с такой увлеченностью и непринужденностью, что Калебу время от времени приходилось, поглядывая на кольцо на безымянном пальце, заблаговременно выданное «супругой», напоминать себе, что все это — выдумка, красивая, но не имеющая ничего общего с реальностью. Дэмиена тоже несколько раз пытались разговорить, но он хранил гробовое молчание. «Вы простите его, он немного нелюдимый», пояснила его «тетя». Больше мальчика не донимали. После трапезы «супружеской паре» даже приготовили ванну. Калев решил проявить себя джентльменом и пропустить даму вперед.

— О чем ты, mon amour? Мы будем принимать ванну вместе. И я не приму возражений. Возражения? Да кто в своем уме сможет даже помыслить отказаться от такого предложения? Уж точно не Калев. Тем более что его «жена» так или иначе нуждалась в помощи, ввиду своего увечья. Беатрис повернулась к нему спиной и отвела в сторону волосы, явив свету застежку платья. Сей призывной жест был красноречивее любых слов. Чувствуя нарастающий трепет, Калев с превеликим удовольствием помог ей разоблачиться. И первым делом он снял бархотку, под которой его ждало шокирующее зрелище. Шею со всех сторон

охватывал уродливый рубцеватый шрам толщиной с палец.

— Беатрис, это...

— Это называется «отсутствием такта», муженек. Разве можно спрашивать даму об изъянах в ее внешности? Ты бы еще справился о моем возрасте, право слово.

Кaleb пристыжено прикусил язык и продолжил раздевание. Правда, как бы сильно ему не хотелось ее узнать, вероятно, до поры до времени останется для него тайной.

Когда она наконец предстала перед ним совершенно нагой, лаская взор в остальном идеальным телом без прочих изъянов, он понял, что никогда прежде не видел хотя бы наполовину столь же прекрасной женщины. Понял также, что больше ему не нужны другие, только она.

Из зачарованного глазения его вывело какое-то движение. Это настойчиво дернули вниз его брючный ремень. Теперь его черед. Не без удовольствия Кaleb избавился от непривычной и неудобной одежды. Он не был писанным красавцем, обладал довольно заурядной внешностью. Тем не менее, Беатрис жадно пожирала его глазами, особенно заинтересовавшись его мужским достоинством. Они были поглощены друг другом, они хотели друг друга, им ничего не препятствовало. В таких обстоятельствах было непросто вспомнить, зачем они вообще тут находятся.

Вода была экстремально горяча и исходила паром. Пуча глаза и непрерывно и беззвучно ругаясь, Кaleb лег в ванну и откинулся на бортик. Беатрис же без малейших признаков дискомфорта погрузилась в этот кипяток и прильнула спиной к мужчине. Повисла тишина. Они позволили себе просто расслабиться, понежиться в молчании, удовлетворяясь близостью тел. Шли минуты. С лиц градом струился пот, волосы послыпались от влаги, сердца бешено колотились в равной степени от жара и возбуждения. Не в силах терпеть больше, Кaleb дал волю рукам. Одна легла на грудь Беатрис и начала с ней тешиться, тогда как вторая с той же целью змеей проскользнула меж ее сведенных бедер. И судя по реакции женщины, она сама ждала этого с нетерпением. Томно смежив веки и закусив губу, она целиком отдавалась дразнящим ласкам. Когда в нее проникло несколько пальцев, она замурлыкала и задвигала тазом, баламутя переливающуюся за края воду. На полу уже были солидные лужи, но вскорости им предстояло превратиться в настоящие озера.

Разумеется, долго довольствоваться пальцами Беатрис не могла и не хотела. Оттолкнув руки мужчины и отстранившись от него, ловко извернулась. Теперь она сидела верхом на его ногах. Налитые груди соблазнительно покачивались. Кaleb все прекрасно понял. Ухватив Беатрис за ягодицы, он притянул ее ближе, приподнял и усадил на давно пробудившийся член. О, это забытое чувство из прошлой жизни, словно познаваемое заново! «Человек — зверь по своей природе», всплыли в его уме сказанные ею слова и сразу же были смыты нахлынувшей бурей эмоций. Женщина уперлась целой рукой ему в грудь и начала с нарастающим темпом двигаться на нем, принимая на всю длину. В деревянной посудине разразился настоящий шторм: вода бурлила, ходила волнами, низвергалась водопадами через бортики. Но они этого не замечали. Не замечали они и крови, стекающей из расцарапанной груди Калеба. Не замечали они и крови, пропитавшей бинт на плече Беатрис. Не замечали ничего. Окружающая реальность не имела никакого значения. Были только они вдвоем, слившиеся воедино. Два человека, уподобившиеся животным в своей дикой страсти. Когда Беатрис начала выдыхаться, Кaleb сам принялся поднимать и опускать ее, хоть в его позе это требовало немалых усилий. Дыхание у обоих уже давно сбилось, сердца от

напряжения пытались пробить грудные клетки. И когда руки у Калеба готовы были отвалиться от усталости, их с головами накрыл восхитительный оргазм, высшая улада, заставившая потерять счет времени. Лежа в порядком обмелевшей ванне, они одаривали друг друга поцелуями. На это у них еще оставались силы.

Им предоставили гостевую спальню. Кaleb уснул, стоило ему только коснуться головой подушки. Он спал, и его терзали кошмары, от которых он не мог пробудиться.

Их отъезд на следующее утро был немного суетливым. Старшая дочь хозяев, накануне пытавшаяся вытянуть из Дэмиена хоть слово, оступилась на лестнице, упала и сломала ногу, поэтому домочадцам было немного не до проводов гостей. «Молодожены» поблагодарили за теплый прием, пожелали женщине скорейшего выздоровления и двинулись в путь.

Следующие четыре дня они провели в своем «свадебном путешествии». Болтали, смеялись, узнавали друг друга получше. Останавливались в редких живописных местах южного Техаса, чтобы перекусить и размять ноги. К вечеру находили очередную ферму с добродушными и гостеприимными владельцами, с радостью пускающими их под свою крышу. А ночью неизменно предавались любви, пылко и ненасытно, выжимая из себя все до последней капли (во всех смыслах), и засыпали в обнимку, обессиленные, но довольные и улыбающиеся. В общем и целом, они неплохо проводили время, а Кaleb, еще несколько дней назад чахнувший за решеткой, чувствовал себя самым счастливым человеком на Земле. За всем этим он позабыл, куда они направлялись. А когда вспомнил, то убедился, что все хорошее имеет свойство заканчиваться.

В четверг, пересекши границу в районе округа Мэверик, Беатрис, освободив руку от марлевой повязки и осторожно разминая ее, заявила, что они уже почти на месте. Тут-то до Калеба и дошло, что все это время они ехали к Матиасу Гиллу, к банде, бросившей его пять лет назад в особо жаркой заварушке. «Вообще чудо, что меня тогда на месте не вздернули». На него нахлынуло уныние. Он не хотел возвращаться, ему было хорошо с Беатрис. Он предпочел бы удрать с ней на край света, где бы им никто не досаждал. И его наблюдательность, та самая, что обеспечила бы ему успех в «Агентстве Пинкертона», подсказывала, что женщина без особого энтузиазма ждала встречи со своим покровителем. Тем, за оскорбление которого она влепила Калебу звонкую пощечину. Что ее с ним связывало? Почему она была так ему предана? Зачем подарила Калебу эти несколько дней рая на земле, и теперь собирается оставить одного? Он решил, что попытается все это выяснить.

Дилижанс остановился возле входа в узкую скалистую теснину, и пассажиры вышли под клонящееся к закату солнце. Вокруг не было ничего примечательного: тоскливые рыжие скалы, потрескавшийся грунт, бесчисленные гиганты-цереусы, шмыгающие тут и там чаквеллы, с опаской поглядывающие на людей. Беатрис попрощалась с Дэмиеном, чмокнув его как-то уж совсем нескромно, и мальчик уехал. Просто скрылся в неизвестном Калебу направлении, исчез, как мираж. Чертовски странно. Пора было идти. Откладывать уже нечего. Пора идти...

— Прости меня, Кaleb.

Он молчал.

— Прости. За те ложные надежды, что я могла тебе дать.

Тоскливо вздохнув, пара направилась в ущелье. Оно было довольно-таки коротким, но на его преодоление ушло на удивление много времени. Возможно, потому, что шли они медленно, нехотя, как-бы через силу. В итоге ущелье вывело их на просторную округлую площадку, на

которой располагался заброшенный шахтерский лагерь. Наличествовали десяток покосившихся от времени шалашей, наскоро сколоченный деревянный домик (видимо, для бригадира), кострище в центре, нужник в сторонке, рельсы, уходящие в темнеющий зев гипсовой штольни.

Ну, если быть точным, лагерь был заброшен. Но сейчас вновь обжит.

— Ба! Кого я вижу! Наша Беатрис вернулась! И не одна! Ну, здоров, Кaleb. С возвращением.

«Странное чувство. Она сидит всего в нескольких метрах от меня. Но при этом безумно далеко. Как же хочется просто ее коснуться...»

Итак, Кaleb воссоединился со своей бандой. Довольно сомнительная радость, как он быстро убедился. Хотя все его воодушевленно приветствовали, заключали в объятия, хлопали по плечу, он не мог до конца простить их за тот случай. Приходилось притворно улыбаться. Двоих человек он не досчитался, троих видел впервые, но ничего удивительного в этом не было: при их ремесле кадровые замены — дело житейское. Одно его утешило: жив-здоров был Марти Торндайк, его старый боевой товарищ, единственный из всего сборища, кого он с уверенностью мог назвать другом. Единственный, кого он искренне рад был видеть, и это чувство было взаимным. «Прости, я ничего не смог тогда сделать», шепнул он Калебу на ухо. Кaleb верил.

Вскоро по прибытию путников солнце скрылось за горизонтом, но шахтерский лагерь не погрузился во тьму. Запалили костер, и банда Матиаса в количестве девяти человек расселась вокруг на отшлифованных бревнах, отбрасывая колеблющиеся тени на окружающие их скалы. Само собой, не обошлось без в некотором роде празднества по случаю возвращения камрадов. Жевалось поджариваемое на прутиках мясо и хлеб. Из рук в руки передавались бутылки бурбона и текилы. Кaleb старался не упиться в хлам с непривычки, в то время как Беатрис вообще не взяла в рот ни капли. «Она и на фермах отказывалась от спиртного. Закостенелая трезвенница прямо-таки». Когда воцарилась расслабленная хмельная атмосфера, мужчины изъявили желание узнать, как парочка умудрилась устроить побег из Сан-Прадера. Беатрис взяла роль повествователя на себя. Стоя в кругу слушателей с кисэру в руке, она рассказывала о событиях, происходивших в то памятное воскресенье, активно жестикулируя и гримасничая. Ее врожденный артистизм, высокий слог и, собственно, остросюжетность излагаемой истории повергали аудиторию в восторг. Закончив, она поклонилась, будто действительно была на сцене, и под бурные овации села на свое место возле Матиаса. После этого кутеж потихоньку пошел на спад.

— Ладно, парни. Мы с Беатрис пошли. И вы не засиживайтесь. Завтра с утра двинем в Эль-Пасо, а то засиделись тут уже. Доброй ночи, — распрощался со всеми Матиас и вместе с Беатрис отправился в деревянный домик. Рукой он обнимал ее за талию. Калебу показалось, что он услышал скрежет своих зубов.

То ли все вняли совету, то ли попросту устали или заскучали, но вскоре один за другим бандиты стали покидать костер и заваливаться спать под шалашами. Однако Кaleb не мог спать. Его трясло, он не находил себе места, не мог успокоиться и выкуривал одну самокрутку за другой. Разум рисовал похабные картины того, что сейчас Гилл вытворял с Беатрис. Ревность кипела в нем бурлящей лавой.

— Чего кислый-то такой? — раздался вдруг голос рядом. Это был Марти, незаметно подошедший со спины. В руках у него были две дымящиеся кружки, и одну он протянул

приятелю. — На, угостись.

— Благодарю. Мм, чайок. А ты не меняешься. На вкус все такое же дерьмо.

— Для тебя ж старался, — ухмыльнулся Марти и присел рядом.

К треску костра прибавилось мелодичное сербанье. Они остались вдвоем, все остальные уже отправились на боковую. Перевалило за полночь. Кaleb глотал чай и не ощущал его вкуса, не чувствовал, как горячая жидкость обжигает ему глотку. На все попытки приятеля завести беседу он отвечал односложно, не задумываясь, иногда вообще невпопад. Разумеется, такая отрешенность быстро была замечена.

— Хочешь, проявлю чудеса проницательности?

— Ага... В смысле, о чем ты?

— Ты сейчас вообще ни хрена из того, что я говорил, не слышал, а всеми мыслями находился там. — Марти рукой указал на домик. Кaleb ничего не ответил, а лишь набычился. — Только не говори мне, что ты в нее втрескался? Скажи мне, что я ошибаюсь.

— Глумиться вздумал?

— Да ни в жисть. Я серьезно за тебя переживаю, мужик. Потому как если я не ошибся, то тебя ждет большой облом. Эта, ты уж прости, вертихвостка связана с Матиасом некоторыми... Как бы лучше выразиться? Обязательствами, думаю. Тебе с ней ничего не светит.

— Спасибо, блин, большое. Ты меня прям успокоил.

— Что поделаешь? Принято так у друзей — резать правду-матку. Так что выкинь эту дурость из головы. Завтра отправимся в Эль-Пасо, повеселимся на славу. А ты снимешь там себе какую-нибудь знойную красотку и...

— Расскажи мне о ней.

— Э? — Марти уже успел навоображать себе всякого и немного утратил нить разговора.

— Расскажи мне о Беатрис. О том, когда и как она к вам присоединилась. Об этих «обязательствах». Прошу. — Кaleb в сердцах ухватил друга за плечо. В его красных глазах читалась мольба. — Ты был искренен со мной. Так будь искренним до конца. Мне нужно знать.

— Хорошо, — согласился Марти после мучительно долгой паузы. Нехотя, что было отчетливо видно. Нашарив на земле две бутылки с вышивкой, он сунул одну Калебу. — Раз она так запала тебе в сердце, я расскажу. Но должен предупредить: тебе, скорее всего, будет невероятно тяжело это слышать.